

Выжившие без всякой надежды

**Они выжили смерти
вопреки**

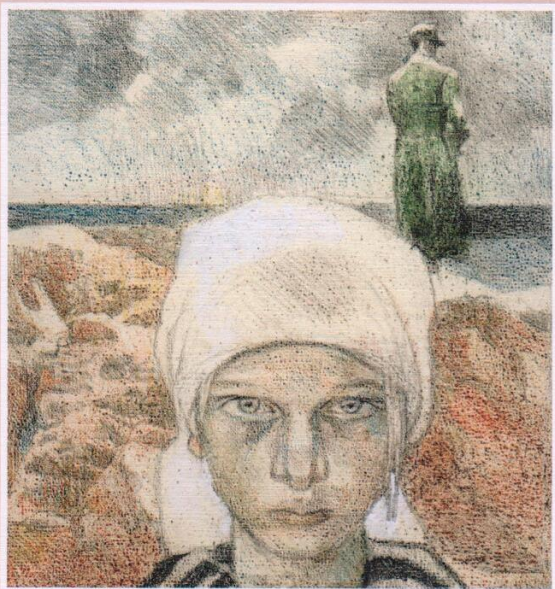
«Чтение хороших книг — это разговор с самыми лучшими людьми прошедших времен, и притом такой разговор, когда они сообщают нам лучшие свои мысли».

Рене Декарт

*Альберт Анатольевич
Лиханов*
Детский и юношеский
писатель
Президент
Международной
ассоциации детских
фондов
Председатель
Российского детского
фонда
Директор Научно-
исследовательского
института детства

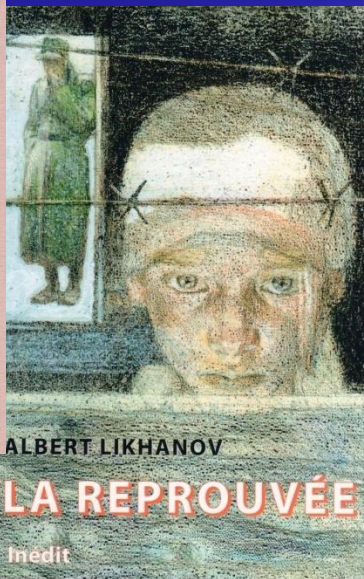
Алберт Лиханов

Непростената

Малък роман

ХАЙНИ

Виктор Франкл (1905–1997) — знаменитый австрийский врач-психотерапевт, психолог и философ. В годы Второй мировой войны он получил страшную возможность испытать на себе собственную концепцию. Пройдя нацистские лагеря смерти, он увидел, что наибольший шанс выжить в нечеловеческих условиях имели не крепкие телом, а сильные духом. Те, кто знал, ради чего живет. У самого Франкла было ради чего жить: в концлагерь он взял с собой рукопись, которой предстояло стать великой книгой.

Эта книга, рассказывающая прежде всего о внутреннем мире человека, о способности обрести смысл в любой ситуации, разошлась миллионными тиражами в десятках стран, крупнейшие философы считали ее одним из величайших произведений человечества, а миллионам простых людей она помогла изменить свою жизнь.

Но Франкл еще накануне войны в основном завершил разработку своей теории стремления к смыслу как главной движущей силы поведения и развития личности. И в концлагере эта теория получила беспрецедентную проверку жизнью и подтверждение — наибольшие шансы выжить, по наблюдениям Франкла, имели не те, кто отличался наиболее крепким здоровьем, а те, кто отличался наиболее крепким духом, кто имел смысл, ради которого жить.

Одним из крупнейших надстроек концентрационных лагерей является Буннауэрд, он функционировал с 19 июля 1937 года. Это городок Реймаро.

Выйдя в сорок пятом на свободу и узнав, что вся его семья погибла в горниле мировой войны, он не сломался и не ожесточился. В течение пяти лет он выпустил дюжину книг, в которых изложил свое уникальное философское учение, психологическую теорию личности и психотерапевтическую методологию, основанные на идее стремления человека к смыслу. Стремление к смыслу помогает человеку выжить, и оно же приводит к решению уйти из жизни, оно помогает вынести нечеловеческие условия концлагеря и выдержать тяжелое испытание славой, богатством и почетом. Виктор Франкл прошел и те, и другие испытания и остался Человеком с большой буквы, проверив на себе действенность собственной теории и доказав, что в человека стоит верить.

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ

2015

«Упрямство духа» — это его собственная формула. Дух упрям, вопреки страданиям, которые может испытывать тело, вопреки разладу, который может испытывать душа. Франкл ощутимо религиозен, но он избегает говорить об этом прямо, потому что он убежден: психолог и психотерапевт должны суметь понять любого человека и помочь ему вне зависимости от его веры или отсутствия таковой. Духовность не исчерпывается религиозностью. «В конце концов, — говорил он в своей московской лекции, — Богу, если он есть, важнее, хороший ли Вы человек, чем то, верите Вы в него или нет».

Эта книга оказалась нечувствительна к капризам интеллектуальной моды. Пять раз она объявлялась «книгой года» в США. За 30 с лишним лет она выдержала несколько десятков изданий общим тиражом свыше 9 миллионов экземпляров. Когда же в начале 1990-х годов в США по заказу библиотеки Конгресса проводился общенациональный опрос с целью выяснить, какие книги сильнее всего повлияли на жизнь людей, американское издание книги Франкла вошло в первую десятку!

Готхольд Эфраим Лессинг как-то сказал: «Некоторые ситуации лишают человека разума, если только ему есть чего лишаться». В аномальной ситуации именно аномальная реакция становится нормальной. И психиатры могли бы подтвердить — чем нормальнее человек, тем естественнее для него аномальная реакция, если он попадает в аномальную ситуацию, к примеру, будучи помещен в психиатрическую лечебницу. Так и реакция заключенных в концлагере, взятая сама по себе, являет картину ненормального, неестественного душевного состояния, но рассмотренная в связи с ситуацией, она предстает как нормальная, естественная и типичная.

Уход в себя

Хотя лагерная действительность отбрасывала заключенного назад, к примитивности не только внешней, но и внутренней жизни, все же пусть изредка, пусть у немногих, но развивалось стремление уйти в себя, создать какой-то свой внутренний мир.

Чувствительные люди, с юных лет привыкшие к преобладанию духовных интересов, переносили лагерную ситуацию, конечно, крайне болезненно, но в духовном смысле она действовала на них менее деструктивно, даже при их мягком характере. Потому что им-то и было более доступно возвращение из этой

ужасной реальности в мир духовной свободы и внутреннего богатства. Именно этим и только этим можно объяснить тот факт, что люди хрупкого сложения подчас лучше противостояли лагерной действительности, чем внешне сильные и крепкие.

Когда отнято все...

Километр за километром мы с ним идем рядом, то утопая в снегу, то скользя по обледенелым буграм, поддерживая друг друга, слыша брань и понукания. Мы не говорим больше ни слова, но мы знаем: каждый из нас думает сейчас о своей жене. Время от времени я бросаю взгляд на небо: звезды уже бледнеют, и там, вдали, сквозь густые облака начинает пробиваться

розовый свет утренней зари. А пред моим духовным взором стоит любимый человек. Моя фантазия сумела воплотить его так живо, так ярко, как это никогда не бывало в моей прежней, нормальной жизни. Я беседую с женой, я задаю вопросы, она отвечает. Я вижу ее улыбку, ее ободряющий взгляд, и — пусть этот взгляд бестелесен — он сияет мне ярче, чем восходящее в эти минуты солнце.

И вдруг меня пронзает мысль: ведь сейчас я впервые в жизни понял истинность того, что столь многие мыслители и мудрецы считали своим конечным выводом, что воспевали столь многие поэты: я понял, я принял истину — только любовь есть то конечное и высшее, что оправдывает наше здешнее существование, что может нас возвышать и укреплять! Да, я постигаю смысл того итога, что достигнут человеческой мыслью, поэзией, верой: освобождение — через любовь, в любви! Я теперь знаю, что человек, у которого нет уже ничего на этом свете, может духовно — пусть на мгновение — обладать самым дорогим для себя — образом того, кого любит.

Волю к юмору, попытку видеть хоть что-то из происходящего в смешном свете можно рассматривать как род искусства жить. Возможность такой позиции обусловлена еще и тем, что жизнь в лагере была полна контрастов, которые высвечивали определенную

относительность страданий. Своеобразное «заполнение» человеческой души страданием можно было бы сравнить с тем, что происходит, когда в какое-нибудь помещение попадает газообразное вещество. Как бы велико ни было это помещение, газ равномерно заполняет весь его объем. Так и страдание заполняет всю душу, овладевает всем сознанием, независимо от того, велико оно или мало. Выходит, что страдание может быть относительным, как, впрочем, относительна и радость. Ведь человеку подчас бывает достаточно и совсем малого, чтобы буквально прийти в восторг.

Счастье — это когда худшее обошло стороной

Мы были благодарны судьбе уже за малейшее облегчение, за то, что какая-то новая неприятность могла случиться, но не случилась. Мы радовались, например, если вечером, перед сном ничто не помешало нам заняться уничтожением вшей. Конечно, само по себе это не такое уж удовольствие, тем более что раздеваться донага приходилось в нетопленном бараке, где с потолка (внутри помещения!) свисали сосульки. Но мы считали, что нам повезло, если в этот момент не начиналась воздушная тревога и не вводилось полное затемнение, из-за чего это прерванное занятие отнимало у нас полночи.

Конечно, все это жалкие радости, это своего рода «негативное счастье», по Шопенгауэру, — отсутствие несчастья, да и то, как уже говорилось, сугубо относительное. Позитивные, истинные радости, даже незначительные, выпадали на нашу долю исключительно редко.

Так, вернувшись однажды после работы в лагерь, я, вытерпев долгое ожидание, был впущен в кухонный барак и попал в очередь к повару Ф., тоже заключенному. Он стоял у большого котла, черпал половником суп и выливал его в миски, торопливо подставляемые проходящими мимо заключенными. И я был очень обрадован, увидев, что наливает он, не глядя на обладателя миски. Единственный из поваров, он распределял эту скудную еду поистине «невзирая на лица», не оделяя своих личных друзей или земляков более щедро, так, чтобы им досталась пара картофелин, а другим — пустая вода. Но я не намерен осуждать тех, кто старался помочь людям из своего ближайшего окружения. Кто бросит камень в человека, оказывающего предпочтение своим друзьям в ситуации, когда речь идет о жизни и смерти? Пусть желающий это сделать прежде со всем пристрастием спросит себя, как бы он поступил на их месте.

Человек, не способный последним взлетом чувства собственного достоинства противопоставить себя действительности, вообще теряет в концлагере ощущение себя как субъекта, не говоря уже об ощущении себя как духовного существа с чувством внутренней свободы и личной ценности. Он начинает воспринимать себя скорее как частичку какой-то большой массы, его бытие опускается на уровень стадного существования. Ведь людей, независимо от их собственных мыслей и желаний, гонят то туда, то сюда, поодиночке или всех вместе, как стадо овец. Справа и слева, спереди и сзади тебя погоняет небольшая, но имеющая власть, вооруженная шайка садистов, которые пинками, ударами сапога, ружейными прикладами заставляют тебя двигаться то вперед,

то назад. Мы дошли до состояния стада овец, которые только и знают, что избегать нападения собак и, когда их на минутку оставят в покое, немного поесть. И подобно овцам, при виде опасности боязливо сбивающимся в кучу, каждый из нас стремился не оставаться с краю, попасть в середину своего ряда, в середину своей колонны, в голове и хвосте которой шли конвоиры. Кроме того, местечко в центре колонны обещало некоторую защиту от ветра. Так что то состояние человека в лагере, которое можно назвать стремлением раствориться в общей массе, возникало не исключительно под воздействием среды, оно было и импульсом самосохранения. Стремление каждого к растворению в массе диктовалось одним из самых главных законов самосохранения в лагере: главное — не выделиться, не привлечь по какому-нибудь малейшему поводу внимание СС!

отдельной человеческой жизни. Даже самый отупевший заключенный не мог не осознавать это пренебрежение к индивидууму, к человеческому существу в ситуации, когда из лагеря отправляли больных. Изможденные тела буквально сваливали на двухколесные тачки, и те, кто был не намного сильнее, должны были их катить, иногда многие километры, на ветру, в дождь, в метель — всегда. Если кто-то из назначенных на отправку был уже мертв, в общую кучу сваливали и его: число должно соответствовать списку! Список — вот что важно, человек же важен лишь постольку, поскольку, мертвый или живой, он — номер. «Жизнь» этого «номера» ничего собой не представляет, и что стоит за этим номером — судьба, биография, имя — еще менее существенно.

Судьба играет человеком

Только тот, кто сам пережил лагерь, может представить себе, сколь неуклонно эта лагерная действительность вела к обесцениванию

Человек терял ощущение себя как субъекта не только потому, что полностью становился объектом произвола лагерной охраны, но и потому, что ощущал зависимость от чистых случайностей, становился игрушкой судьбы. Я всегда думал и утверждал, что человек начинает понимать, зачем то или иное случилось в его жизни и что было для него к лучшему, лишь спустя некоторое время, через пять или десять лет. В лагере же это иногда становилось ясно через пять или десять минут.

Уже в Аушвице я сформулировал для себя принцип, правильность которого обнаружилась уже скоро, и ее подтверждали впослед-

ствии большинство моих товарищей: если тебя о чем-то спрашивают, следует отвечать по возможности правдиво, но о том, о чем не спрашивают, лучше молчать.

В лагере же острейший дефицит сна был обусловлен еще и тем, что из-за невообразимой тесноты и отсутствия какой-либо гигиены бараки буквально кишели насекомыми.

К причинам телесного свойства, однако, добавлялись еще и психологические особенности душевного состояния заключенных в виде определенных «комплексов». Большинство заключенных отчетливо страдали от своеобразного чувства неполноценности. Каждый из нас был раньше «кем-то» или, во всяком случае, считал так. Здесь же с ним обращались так, будто он — буквально «никто». (Ясно, что лагерная ситуация не могла поколебать чувства собственного достоинства тех,

у кого оно имело духовную основу, но многие ли в лагере, да и многие ли вообще обладают столь прочной духовностью?) Средний лагерник, не размышляя об этом и не осознавая этого полностью, тем не менее чувствовал себя деклассированным. Это чувство укреплялось контрастами, существовавшими в социальной структуре лагеря. Я имею в виду избранное меньшинство: капо, поваров, кладовщиков, «лагерных полицейских» — они компенсировали чувство неполноценности своим более высоким положением. Они ни в коей мере не чувствовали себя, подобно большинству, деклассированными, наоборот, они достигли здесь успеха. У них прямо-таки развивалась мания величия в миниатюре.

Эти слова вспоминаешь, думая о тех мучениках, чье поведение в лагере, чье страдание и сама смерть стали свидетельством возможности до конца сохранить последнее — внутреннюю свободу. Они могли бы вполне сказать, что оказались «достойны своих мучений». Они явили свидетельство того, что в страдании заключен подвиг, внутренняя сила. Духовная свобода человека, которую у него нельзя отнять до последнего вздоха, дает ему возможность до последнего же вздоха наполнять свою жизнь смыслом. Ведь смысл имеет не только деятельная жизнь, дающая человеку возможность реализации ценностей творчества, и не только жизнь, полная переживаний, жизнь, дающая возможность реализовать себя в переживании прекрасного, в наслаждении искусством или природой. Сохраняет свой смысл и жизнь — как это было в концлагере, — которая не оставляет шанса для реализации ценностей в творчестве или переживании. Остается последняя возможность наполнить жизнь смыслом: занять позицию по отношению к этой форме крайнего принудительного ограничения его бытия. Созидательная жизнь, как и жизнь чувственная,

для него давно закрыта. Но этим еще не все исчерпано. Если жизнь вообще имеет смысл, то имеет смысл и страдание. Страдание является частью жизни, точно так же, как судьба и смерть. Страдание и смерть придают бытию цельность.

Для большинства заключенных главным был вопрос: переживу я лагерь или нет? Если нет, то все страдания не имеют смысла. Меня же неотступно преследовало другое: имеет ли смысл само это страдание, эта смерть, постоянно витающая над нами? Ибо если нет, то нет и смысла вообще выживать в лагере. Если весь смысл жизни в том, сохранит ее человек или нет, если он всецело зависит от милости случая — такая жизнь, в сущности, и не стоит того, чтобы жить.

сохранит ли человек силу духа, достоинство и самоотверженность или же в до предела заостренной борьбе за самосохранение утратит свою человечность и полностью превратится в стадное животное, о котором нам напоминает психология узников концлагеря; от того, осуществил человек или утратил те ценностные возможности, которые предоставили ему его ситуация страдания и его тяжелая судьба, от того, оказался ли он «достоин своих мучений» или нет.

Не стоит думать, что эти рассуждения далеки от реальных возможностей заключенного. Конечно, лишь немногие, лишь редкие люди способны достигать таких высот; лишь немногие сохраняли в лагере свою внутреннюю свободу, возвышаясь до осуществления тех ценностей, которые раскрывает страдание. Но если бы этому был даже единственный пример, он все равно служил бы доказательством того, что внутренне человек может быть сильнее своих внешних обстоятельств. И не только в концлагере. Человек всегда и везде противостоит судьбе, и это противостояние дает ему возможность превратить свое страдание во внутреннее

достижение. Подумаем, к примеру, о больных людях, особенно о неизлечимо больных. Я прочел как-то письмо одного пациента, относительно молодого человека, в котором он делился со своим другом печальной новостью — он только что узнал, что никакая операция ему больше не поможет и что жить ему осталось недолго. А дальше он пишет, что в этот момент вспомнил один давно виденный фильм, герой которого спокойно, отважно, достойно шел навстречу своей смерти. Тогда, под свежим впечатлением, он подумал: умение так встретить смерть — это просто «подарок небес». И теперь судьба дала ему такой шанс...

В лагере это было так: маленький отрезок времени — день, заполненный придирками и понуканиями, — казался бесконечным. А большой отрезок, скажем, неделя, во всем однообразии ее дней, проходила, казалось, необычайно быстро. И когда я говорил, что в лагере день длится дольше, чем неделя, мои товарищи соглашались со мной. Таким парадоксальным было это тревожное переживание времени.

Обесценивание реальности, сопутствующее «временному существованию» заключенных, лишало человека опоры, заставляя окончательно опуститься, пасть духом — потому что «все равно все впустую». Такие люди забывают, что самая тяжелая ситуация как раз и дает человеку возможность внутренне возвыситься над самим собой. Вместо того чтобы рассматривать внешние тяготы лагерной жизни как испытание своей духовной стойкости, они относились к своему настоящему бытию как к чему-то такому, от чего лучше всего отвернуться, и, замкнувшись, полностью погружались в свое прошлое. И жизнь их шла к упадку. Конечно, немногие способны среди ужасов концлагеря достичь внутренних высот. Но такие люди были. Им удавалось при внешнем крушении и даже в самой смерти достичь такой вершины, которая была для них недостижима раньше, в их повседневном существовании.

Ну а нам, заурядным, обычным «средним» лагерникам, пожалуй, подошло бы высказывание Бисмарка, который однажды заметил, что в жизни — как в кресле у зубного врача: все время кажется, что главное еще будет, а оно уже позади. Перефразируя, можно сказать, что большинство людей в лагере полагали, что все их возможности самоосуществления уже позади, а между тем они только открывались. Ибо от самого человека зависело, во что он превратит свою лагерную жизнь — в прозябание, как у тысяч, или в нравственную победу — как у немногих.

Мы уже говорили о том, что каждая попытка духовно восстановить, «выпрямить» человека снова и снова убеждала, что это возможно сделать, лишь сориентировав его на какую-то цель в будущем. Девизом всех психотерапевтических и психогигиенических усилий может стать мысль, ярче всего выраженная, пожалуй, в словах Ницше: «У кого есть “Зачем”, тот выдержит почти любое “Как”». Надо было в той мере, в какой позволяли обстоятельства, помочь заключенному осознать свое «Зачем», свою жизненную цель, а это дало бы ему силы

Ведь жить — в конечном счете значит нести ответственность за правильное выполнение тех задач, которые жизнь ставит перед каждым, за выполнение требований дня и часа.

Эти требования, а вместе с ними и смысл бытия, у разных людей и в разные мгновения жизни разные. Значит, вопрос о смысле жизни не может иметь общего ответа. Жизнь, как мы ее здесь понимаем, не есть нечто смутное, расплывчатое — она конкретна, как и требования ее к нам в каждый момент тоже весьма конкретны. Эта конкретность свойственна человеческой судьбе: у каждого она уникальна и неповторима. Ни одного человека нельзя приравнять к другому, как и ни одну судьбу нельзя сравнить с другой, и ни одна ситуация в точности не повторяется — каждая призывает человека к иному образу действий. Конкретная ситуация требует от него то действовать и пытаться активно формировать свою судьбу, то воспользоваться шансом реализовать в переживании (например, наслаждении) ценностные возможности, то просто принять свою судьбу.

И коль скоро судьба возложила на человека страдания, он должен увидеть в этих страданиях, в способности перенести их свою неповторимую задачу. Он должен осознать уникальность своего страдания — ведь во всей Вселенной нет ничего подобного; никто не может лишиться его этих страданий, никто не может испытать их вместо него. Однако в том, как тот, кому дана эта судьба, вынесет свое страдание, заключается уникальная возможность неповторимого подвига.

Для нас, в концлагере, все это отнюдь не было отвлеченными рассуждениями. Наоборот, такие мысли были единственным, что еще помогало держаться. Держаться и не впадать в отчаяние даже тогда, когда уже не оставалось почти никаких шансов выжить. Для нас вопрос о смысле жизни давно уже был далек от того распространенного наивного взгляда, который сводит его к реализации творчески поставленной цели. Нет, речь шла о жизни в ее цельности, включавшей в себя также и смерть, а под смыслом мы понимали не только «смысл жизни», но и смысл страдания и умирания. За этот смысл мы боролись!

Страдание как подвиг

После того как нам открылся смысл страданий, мы перестали преуменьшать, приукрашивать их, то есть «вытеснять» их и скрывать их от себя, например, путем дешевого, навязчивого оптимизма. Смысл страдания открылся нам, оно стало задачей, покровы с него были сняты, и мы увидели, что страдание может стать нравственным трудом, подвигом в том смысле, какой прозвучал в восклицании Рильке: «Сколько надо еще перестрадать!» Рильке сказал здесь «перестрадать», подобно тому как говорят: сколько дел надо еще переделать.

Да, нам пришлось много «перестрадать». Поэтому следовало смотреть в лицо страданиям, рискуя не выдержать, рискуя не сдерживать слез. Да и не надо было стыдиться таких слез — они свидетельствовали о том, что у человека есть высшее мужество — мужество страдать. Впрочем, такое понимание было у немногих, большинство со смущением признавались в том, что «снова плакали». Один мой товарищ на вопрос, как ему удалось избавиться от голодных отеков, ответил: «Я их выплакал...»

Единственность, уникальность, присущие каждому человеку, определяют и смысл каждой отдельной жизни. Неповторим он сам, неповторимо то, что именно он может и должен сделать — в своем труде, в творчестве, в любви. Осознание такой незаменимости формирует чувство ответственности за собственную жизнь, за то, чтобы прожить ее всю, до конца, высветить во всей полноте. Человек, осознавший свою ответственность перед другим человеком или перед делом, именно на него возложенным, никогда не откажется от жизни. Он знает, зачем существует, и поэтому найдет в себе силы вытерпеть почти любое «как».

Слово, сказанное вовремя

Меньше всего возможностей было, конечно, для коллективной психотерапии. И гораздо больше, чем слово, действовал здесь пример.

«То, что ты переживаешь, не отнимут у тебя никакие силы в мире». То, что мы осуществили в полноте нашей прошедшей жизни и ее опыта, — это наше внутреннее богатство, которое никто и ничто не может у нас отнять. Это относится не только к тому, что мы пережили, но и к тому, что мы сделали, ко всему тому возвышенному, о чем мы думали, к тому, что мы выстрадали, — все это мы сохраним в реальности раз и навсегда. И пусть это миновало — это сохранено для вечности! Ведь быть в прошлом — это тоже своего рода бытие, притом самое надежное.

Из всего этого мы можем заключить, что на свете есть две «расы» людей, только две! — люди порядочные и люди не порядочные. Обе эти «расы» распространены повсюду, и ни одна человеческая группа не состоит исключительно из порядочных или исключительно из не порядочных; в этом смысле ни одна группа не обладает «расовой чистотой!» То один, то другой достойный человек попадался даже среди лагерных охранников.

Лагерная жизнь дала возможность заглянуть в самые глубины человеческой души. И надо ли удивляться тому, что в глубинах этих обнаружилось все, что свойственно человеку. Человеческое — это сплав добра и зла. Рубеж, разделяющий добро и зло, проходит через все человеческое и достигает самых глубин человеческой души. Он различим даже в бездне концлагеря.

Мы изучили человека так, как его, вероятно, не изучило ни одно предшествующее

поколение. Так что же такое человек? Это существо, которое всегда решает, кто он. Это существо, которое изобрело газовые камеры. Но это и существо, которое шло в эти камеры, гордо выпрямившись, с молитвой на устах.

«Они до конца должны пройти
свой путь, каждый – сам,
в одиночку. Вот к чему всё
сводится – самому найти
себя».

Виктор Франкл

Минута МОЛЧАНИЯ

Благодарю за внимание!

- Слайдовая презентация подготовлена главным библиотекарем психолого-педагогического отдела МБУ «Библиотека им. А. Лиханова» Е.А. Спицыной
- 2017 год

